

ПОБЕДА «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Наверное, сейчас мало кому надо объяснять, что речь идет об одном из символов хрущевского поворота к простому советскому порядку, поворота, который в конце концов его и сгубил. А процитированы здесь слова из воспоминаний человека, ставшего символом искусства нонконформизма, искусства, сопротивлявшегося без всяких танков и баррикад тоталитарному режиму. Нашего великого современника, художника, создателя студии «Новая реальность» Элия Михайловича Белютина.

К слову, нельзя не вспомнить и рассказ Марины Влади о том, как однажды Владимир Высоцкий, вернувшись откуда-то, сообщил ей, что он только что был у Хрущева, давно к тому времени жившего в опале на даче. На вопрос великого барда, зачем он так поступил с художниками, Никита Сергеевич сказал: «Я крестьянин, меня накрутили. Но никого из них пальцем не тронули».

Может, конечно, в лагерь не отправляли, но, как пел Галич: «Мастерская, договор и прочее». И тем не менее это странное, непонятное для чиновников стремление писать так, как хочется художнику, как говорит только ему слышимый голос, жить совершенно по другим правилам, чем все окружающие, стало одним из феноменов истории советского общества.

О жизни Элия Белютина и о самом чуде существования художника и независимого человека в двадцатом столетии в России вы сможете прочесть в книге нашего знаменитого искусствоведа Нины Молевой «Эта долгая дорога через XX век», только что выпущенной московским издательством «Книжная находка».

Работы Нины Молевой узнаются сразу по стилю, по творческой манере. Она обладает важным для искусствоведа даром - писать интересно и красиво об искусстве, архитектуре и жизни людей творческих. Причем затрагивая при этом серьезные проблемы.

Но здесь, помимо всего прочего, и случай особый. Потому что Нина Михайловна Молева - супруга Белютина, и весь крестный путь мастера сквозь двадцатый век она

«Издали раздавался истерический голос Хрущева. Его голос был визгливым и удивительно пронзительным.

«Запретить! Все запретить! Прекратить безобразия! Я приказываю! Я говорю».

Лица коллег Хрущева вытянулись. Наверное, за годы его правления они привыкли ко многому, но это было уже чересчур.

«И проследить за всем! И на радио, и на телевидении, и в печати всех поклонников этого выкорчевать!»

Я подошел к двери нашего зала. Хрущев уже спускался по лестнице, размахивая руками, весь в красных пятнах. Рядом с ним шел, не скрывая торжества, Сулов и, чуть поодаль, явно обеспокоенный Косыгин.

У всех, даже у фотокорреспондентов, на лицах застыло изумление».

пропустила сквозь себя. Через свое сердце, как бы банально это ни звучало.

В книге действительно дана огромная панорама жизни одного мастера на фоне его времени и эпохи - начиная со страшной судьбы родителей, попавших под колесо репрессий Советской власти, и заканчивая погромом и проработками эпохи застоя.

«С 1954 года Белютин, основатель новых тенденций, становится вождем либеральной волны, первым после наступления после кончины Сталина ослабления государственного контроля. Он - один из тех, кто начинал так называемое неофициальное, в отличие от официального, то есть санкционированного правительством, искусство. Вокруг него с необычайной быстротой собирается огромная группа преимущественно молодых художников... В каком бы положении ни находился сам художник и его последователи, время шло вперед и обусловило его поддержку».

Так несколько косноязычно, но абсолютно правильно писали П. Шеклоха и И. Мид в своей книге «Неофициальное искусство в СССР», вышедшей в Нью-Йорке в 1967 году. А вот что писал участник Белютинской студии Валентин Окорочков в 1958 году:

«Только со временем мне стало понятно, что самым страшным врагом художника была порожденная обстоятельствами - страхом, поисками работы, угодничеством перед непонятым, но зато всегда

агрессивным «начальством», душевная леность. Проще было подчиняться требованиям, чем им противостоять, наживая неминуемые неприятности и нескончаемые неудобства. Занятия в Студии с первых же дней не оставляли от этой лености ни малейшего следа. Ритм и динамика - боги наших встреч».

Так оно и было. То в продуваемых подвалах, то под сенью деревьев в Абрамцеве собирались художники и осваивали новые методы и технологии. А высокий, удивительно красивый человек - недаром в нем течет итальянская кровь - казался, торопил своих учеников: «Сильнее! Быстрее!».

Вы только подумайте - в течение десятилетий существовала студия Белютина. Сообщество удивительно сильных духом людей. Художников очень светлых и талантливых. Жили и писали, как они хотели.

Сам Элий Михайлович к концу 70-х полностью поменял творческую манеру, став одним из общепризнанных лидеров русского авангарда. Он нашел совершенно новый, свой, только ему присущий стиль цветовой гаммы, затягивающий как в омут тех, кто видел его полотна.

И в конце концов Белютин победил. Выставки во многих странах мира и грандиозная экспозиция все в том же Манеже, но уже при немыслимом скоплении народа и телекамер, с вдохновенной речью последнего министра культуры СССР Николая Губенко. Советско-

му Союзу жить оставалось совсем чуть-чуть, и действие в Манеже стало своего рода реквиемом по безвозвратно ушедшей эпохе.

Именно в передаче самого дыхания века, достигающейся автором с помощью документов, писем, воспоминаний современников, и состоит главная сила книги Нины Молевой. Со времен деда Элия Михайловича, создателя одного из первых частных музеев живописи в Москве Ивана Егоровича Гринева, и отца, друга Есенина, литератора знаменитой группы «Перевал», рас-

стрелянного в 1927 году непонятно за что, и до последних триумфов Белютина и возглавляемой им студией «Новая реальность» разворачивает Нина Михайловна грандиозное полотно своей работы.

К слову, скоро в Российском Фонде Культуры под эгидой Дирекции Международных Программ Фонда состоится еще одна грандиозная акция с участием «Новой реальности». Многим музеям России будут переданы картины участников студии, находящиеся сейчас в Собрании РФК.

Полосу подготовил Виктор ЛЕОНИДОВ.

Рос. Вестн. - 2003 - 26 марта - с. 18